

Открытие смены

Еще не успели стихнуть выхлопы возвращающихся в Москву автобусов. Еще с футбольного поля не все пионеры растащили по корпусам свои чемоданы с белыми наклеенными этикетками с надписью: «Коршак Саша 2 отряд». Еще не надоели комары, вонзающие свои тоненькие жалыца в белую кожуцу московских сорванцов.

Фигура Однорукого - в недалеком прошлом монумент покори-телям космоса, после того как его ковшом зацепил экскаватор и оторвал руку, молчаливо являла собой центр вселенной ребячьей республики. Она стояла прямо перед футбольным полем, за которым хлопал своими встроенными в окна вентиляторами сарай с пафосным названием «Киноконцертный зал «Лесная тишина».

Андрэ де Ля Топор, руководитель театра «Ритм», решил от-нажды, что не дал Бог палат каменных, так хоть название пусть будет громким и пафосным. А посему вывеска с надписью больше подходящей для казино : «Клуб «ФОРТУНА»», — была уничтожена самым безжалостным образом. Когда на пионерском ко-стре готовились жечь в прошлой смене старые стулья, вывеска клуба нашла там свое последнее пристанище. И вот с ближайшей к футбольному полю березы по натянутой проволоке заскользил подгоняемый двигателями от моделей ракет фанерный самолетик. Пламя под его фюзеляжем горело как-то неровно и совершенно незлобно, поэтому, когда он врезался в нагромождение клубной рухляди только банка солярки, заботливо припасенная заранее, спасла положение. Костер разгорелся, но не было в нем уюта лесной поляны и нужного профиля пионерского костра. Детишки не захотели петь песни, и как-то быстро все перешло в бесшабашное раздолье бегающей и прыгающей ребятни, отчего младшие отряды быстренько развели по корпусам, а старших в

клуб на танцы (как тогда назывались дискотеки). И поскольку на помощь старенькому усилителю в тот год подоспело оборудование вокально-инструментального ансамбля с новыми усилками и колонками, рев мелодий и ритмов зарубежной эстрады из клуба доносился далеко окрест, смущая жителей соседних пионерских лагерей «Дружба» и «Щербаковец», а также ни в чем не повинной деревни Анашкино. «Лесная тишина» а как еще можно было назвать это ревущее убоище? И только вожатый второго отряда, а точнее «эскадры», привыкший к надсадному звуку корабельной сирены глумливо улыбался в усы, пряча за оправой очков хитрые глаза и потирая большие волосатые руки. Совмещая свое вожатство с должностью главного режиссера театра «Ритм» он понимал, что мюзикл на стихи Агнии Барто без тяжелого рока ему не вытянуть! Ну как тут без мощи? Да что б басы отдавались в животе, а в голове голосом Алиса Купера, восставшего из гроба на сцене, несло: «Значит, совесть у Ивана оказалась выходной.... Чинить, паять!»

Уютное расположение ККЗ, почти у забора в навалившемся на лагерь лесу, делало его особенно любимым среди старших пионеров, бегавших за его деревянные стены, в тень ивняка покурить. Корабельные сосны подчеркивали красоту и торжественность момента, унося свои золотистые флагштоки с зелеными вымпелами прямо в голубую просинь летнего неба. Еще несколько часов назад монументальность композиции дополнял лишь шум деревьев, заполучивших в свои кроны неумеху-ветерка, словно девчонки старшеотрядницы поймали пацаненка-малолетку и начали его тискать и щипать за розовые щечки, гоняя по кругу, веселясь и хихикая. Вот и теперь из отрядных корпусов неслись ребячьи голоса, смех и гвалт, как будто площадь трех вокзалов перенесли из центра Москвы за 85 километров на Запад.

На центральной линейке деловито похаживал старший вожатый, примеряя флаг лагеря на флагшток и размечая места для построения пионерских и октябрятских отрядов. Понятное дело надо готовить открытие лагеря, а это дело непростое, ответственное и, значит, требующее вдумчивой предварительной

подготовки. Только что он отпустил радиста, проверившего микрофонные гнезда и работу «колокольчиков», вносящих элемент чужеродности и непонятности в живую атмосферу лагеря. Колокольчики хрипели надсадным голосом потерявшего понятие об элементарных правилах декламации радиста. «Раз-раз...» - несло из них. На вопросительный взгляд старшего вожатого он мог только пожать плечами и сослаться, что, мол, усилитель старенький, акустика ни к черту, хорошо, что еще удалось дополнительно колонки в клуб выбить, а то бы и там гоняли музыку через эти модифицированные раритеты, помнившие голос Левитана и слова: «Внимание, внимание! Говорит Москва!»

Радист, раскорячившись, пытался одновременно чинить розетку, разматывать изоленту и говорить в микрофон. Проходивший мимо художник участливо заметил:

— Да, на многорукого Шиву ты не очень похож!

— Сереж, ради Бога, поговори в микрофон, мне проверить надо! — взмолился радист, надеясь, что хоть две дополнительных руки ему удастся заполучить хотя бы на 5 минут.

— А что говорить-то? Я не умею ничего такого... — ответил художник просто. Да и мне в трюм пора, там Дэнис один, сейчас проснется... — добавил он без энтузиазма, лениво и протяжно, пытаясь поскорее соскочить от внезапно навалившегося задания.

— Как что? - вспыхнул радист — Говори: раз-раз!

— Это не интересно, творчества ноль! — разочаровано сказал художник.

— Ну, когда говорить-то? Можно? — взглянув на радиста, спросил он, и, не дожидаясь ответа, заголосил в микрофон:

— Энэ-бене рабэн, интер-квинтер-жабен, шкворкин-поркин-закупоркин... Закупоркин... Рабэн...рабэн! — несло с задержкой по всему лагерю из серебристых колокольчиков. Пробегавшая малышня и вожатые первого призыва останавливались и, вслушиваясь в неведомое послание в эфире, супили брови, пытались определиться — и что теперь надо делать? И только вожатые и старшие пионЭры, прожившие в этом лагере по 5-7 лет, спокойно реагировали на будничные приколы старших товарищей,

воспринимая удивительное сообщение как само собой разумеющееся начало новой смены, обещавшей нешуточный оттопыр и приколистый дух последующим 23 дням в ребячьей республике.

В тот год моя крестная подарила мне на день рождения самый модный в то время спортивный шерстяной костюм синего цвета. Лампасы на брюках, белые полосы на воротнике и манжетах быстро полюбились народу, который быстренько окрестил «олимпийкой» удобную и универсальную в смысле употребления курточку. Ее можно было надевать как свитер, вместо пиджака с брюками, в ней можно было гонять в футбол и лазить по стройке. Вшитая молния позволяла менять фасон с отложного воротничка на водолазку. Короче, мечта поэта! И у меня появился такой костюмчик!

На правах сторожила, как и многие мои товарищи, открывшие свою «лагерную» историю одновременно с началом обучения в школе, я уже давно оттащил чемодан в кладовку, забил себе койку у окошка, переоделся в новенький спортивный костюмчик и пошел в авиаракетный кружок, выяснить, когда уже начнем запускать модели.

— А! Привет! — на ходу привычно отбил мое приветствие, словно мяч пинг-понга знакомый кружковод — Пойдем, поможем!

Нагрузившись какими-то трубами, проводами и еще невесть чем, мы потянулись мимо Однорукого, кажется уже уставшего от суеты первого дня, напрямиком на центральную линейку.

Центральная линейка! Прямоугольник, разбитый крестом бетонных плиток на четыре равных прямоугольника, в центре каждого из которых находилась клумба с ненавязчивыми цветочками, именуемыми дачниками «Веселые ребята». Подстриженные кусты какого-то чрезвычайно колючего кустарника, плодоносившего черными ягодами, несмываемый сок которых мгновенно выдавал храбрецов, пытавшихся на себе провести смертельный эксперимент на выживание. Трибуна - выложенный метлахской плиткой постамент высотой в лестничную ступеньку, за которым

располагалась некое бетонное подобие красного знамени. Из центра трибуны, словно серебряный гвоздь антенны космического аппарата, уходил в небо флагшток с вечно скрипящим роликом, напоминавший хрипловатый голос Утесова, монотонную песнь которого мы слушали два раза в день при подъеме или опускании флага. В отдалении справа и слева за линейкой стояли как старшие братья громоотводы, такие же серебряные конструкции на раскинутых как стабилизаторы ракетных кораблей бетонных основаниях. Иностранным агентам даже не надо было напрягаться, чтобы сделать вывод - это место в лесу всеми своими постройками кричало: «Нас сделали на ракетном заводе!»

Но смену еще не открыли и флаг, ясное дело, пока только примерял старший вожатый. А могучие елки, помнившие, по всей видимости, не только оборону Москвы 1941-1942 годов, но и обозы французской наполеоновской армии, с трех сторон окружали линейку, придавая некую камерность происходящему здесь.

Деловито кивнув старшему вожатому, кружковод направился прямехонько к одной из клумб. Вонзив в самый ее центр бур типа рыбацкого, он начал методично вращать его, периодически вытряхивая землю. Занятие не из самых увлекательных, поэтому уже через пять минут в дело вступили руки подрастающего поколения, то есть мои. «Ровней, ровней держи! Ракета должна прямо в небо уйти, а не в сторону «Дружбы» - наставлял он меня, примеряя к образовавшейся дырке в земле круглую нержавеющую болванку, к которой с помощью современных технологических достижений была приварена тонкая трубка, выполняющая роль направляющей, по которой ракета и должна была сверять направление своего полета. Чувство гордости за предприятие моих родителей, где так запросто можно найти на свалке секретный металл - титан, использовать аргоновую сварку и еще черте что! Проклятые империалисты сдохли бы от зависти, если б узнали, что все это не только идет на изготовление секретных двигателей, но даже простые мальчиши в пионерском лагере тачают из них свои, пока маленькие, но уже летающие ракеты. «Textiglass» -

отсвечивала черным глянцем по желтому корпусу красивая иностранная надпись.

— Сереж, а что это значит? — спрашивали пацаны в кружке.

— Что-что, название такое! — отвечало светило конструкторской мысли, хлюпая носом и заводя глаза куда-то вверх и вправо, от чего казалось, что название это очень секретное и простым смертным совершенно необязательно знать об его истинном содержании. Если б мы знали, что трафарет с этим названием случайно оказался под рукою и просто подошел по размеру. Что некогда было рисовать да выписывать другие слова, когда вот он, готовенький, и буквицы не русские! И вот теперь эту ракету кружковод прицепил круглыми кронштейнами к направляющей и медленно опустил всю конструкцию в центр клумбы. Кроме цветов не было видно ни чего! Вот это класс! На открытии, когда весь лагерь замрет при подъеме флага, из под земли, шипя и брызгая снопом искр, вылетит ракета и уйдет в небо, оставляя остатки едкого дыма и запах сгоревшей селитры. Только представив это, я уже без всяких указаний пошел ковырять такие же шахты еще в трех клумбах. Шутка ли, я причастен к тайне, которую еще не знает ни кто в лагере! Растащить провода электрозапала от аккумуляторной батареи было делом пяти минут, и подземная секретная ракетная установка была готова.

— Ну что, — серьезно произнес кружковод — дело сделано, надо бы и рвануть для порядка!

Да как же не рвануть! Авиаракетный кружок тем и отличался, что помимо моделей ракет, различных катапульт, гонявших баяниста по футбольному полю, кордовых моделей для пилотажа и воздушного боя, частенько его питомцы пилили большим драчевым напильником слиток магния «летающего металла», который был не только легким, но и составлял замечательный тандем с марганцовкой в самодельных бомбочках и зарядах для самопадов.

Вот и сейчас кружковод достал из кармана тренировочных штанов два-три подобных изделия и стал вставлять в них бикфоров шнур небольшие, сантиметров десять, жгутики ткани, пропи-

таные специальным составом и запанированные то ли порохом, то ли селитрой с углем. Каждый жгутик состоял из нескольких, свитых в единый запал, который вставлялся в нужное отверстие и давал несколько секунд времени, чтобы метнуть опасный снаряд подальше от себя после того, как спичка или зажигалка своим острым язычком заставит его кончик зашипеть, разбрасывая искры.

— Давай спички! — произнес кружковод обыденным тоном, как будто у рядового пионера можно было спросить не только спички, но и найти в его карманах много любопытного. Это отчасти соответствовало действительности. Карманы моих новых олимпийских штанов оттягивали ключи от чемодана, лампочка для фонаря, медиаторы для игры на гитаре и внушительный ключ для регулировки грифа. Там же лежал ворох записок от девчонок с адресами и телефонами, огрызок карандаша и две шоколадные конфеты. Спичек не было. В этот момент я почувствовал, как мир вокруг меня рухнул. Мне оказали высокое доверие, допустили к тайне открыли место, где будут спрятаны ракеты.... А я! Я даже спичек не удосужился достать! «Эх, ты!» — казнил я себя! Впросительный взгляд кружковеда слишком долго остановился на моем, испытывающем море чувств лице, но не найдя на нем нужного ответа, по привычной траектории ушел вверх и вправо, в сторону старшего вожатого. Мы вылезли из цветов на выметенные плиты главной линейки, и пошли к старшему вожатому.

Как нечто самое обычное, старший вожатый окинул взором предъявленные ему бомбочки и достал зажигалку. Ребристое колесико сделало свое дело, искры запалили фитиль бензиновой зажигалки, а он в свою очередь передал огонек пламени бикфордову шнуру. Еще мгновение и улетевший в синь пионерского неба черный комочек в изоляционной ленте громко бумкнул, разрывая свою сущность на части. Оставив вместо себя небольшое вонючее облачко, останки бомбочки упали в кусты.

— Ну, Ляля, горазд ты тешиться! — одобрительно сказал старший вожатый — Дай я тоже попробую! — засуетился старший

вожатый, забирая последнее, внушительных размеров изделие авиаракетного кружка.

У тебя не кружок авиамоделистов, а школа террористов просто какая-то! — продолжал он весело.

Кружковод расценивал слова в свой адрес как комплимент и потому все мы как-то совсем близко собрались в кружок и запали очередной запал.

В нашем лагере художник очень уважал рассказы про brave солдата Швейка и любил цитировать то фразы, то песни. Многие ребята неоднократно перечитали с его подачи это нетленное произведение, и песню про канонира Яборку, которую распевал Швейк, начиная торпеды пироксилином (взрывчаткой), знали наизусть. Не буду приводить весь текст этой немудреной солдатской песни, но последние строки: «Снаряд тут понесло Ой, лада-гей-люли! Башку оторвало Ой, лада-гей-люли!» — несомненно, относятся к моему рассказу.

В широкой морской ладони старшего вожатого располагался предмет, замотанный черной изолентой. Форма его была неопределенна. В основе была то ли батарейка от электрического фонарика, то ли коробочка из-под зубного порошка, но главным было не это. Главным был запал, который от долгого пребывания в кармане тренировочных штанов кружковод, задохматился и разделился на три самостоятельных жгутика. И, если два из них еще как-то сохраняли видимость единого целого, переплетаясь и цепляясь друг за друга, то третий объявил о своей незалежности и оттопырился в сторону. Однако в месте поджига, где отдающий бензином фитиль зажигалки пытался засмолить бикфордов шнур, тоненький отщепенец возвращался на место, соединяясь в полноценный запал. Наконец пламя побегало, тоненький жгутик даже не пытался сопротивляться огню и сгорел почти мгновенно, не дав старшему вожатому времени на замах и бросок. Бомба ахнула, едва отделившись от ладони.

Надрессированный на нештатные ситуации со своими подопечными кружковод свернулся в штопор, тем самым прикрыв меня от взрыва, и уйдя по-пластунски в четвертое измерение, вы-

нырнул где-то за бетонным образом трибуны. Меня же, как не такого прыткого, просто завернуло винтом, скользкой осадив здоровенным дрыном по спине, ударило ярким по глазам. В ушах воцарился звон, как будто после набата бить перестали, но послевкусие его не уходило из головы, пытаюсь разнести ее как ореховую скорлупу. «Ой-лада-гей-люли...!!!» — гудело в голове. В глазах резало от невесты откуда взявшегося песка.

— Жив? Жив? — откуда-то издали доносился голос кружководы.

— М-мы-м-м-м!!! — отвечал я, крутя головой и садясь на корточки. Какие-то руки приподняли меня, повели к уличному умывальнику промывать глаза, а потом положили на мою койку.

«Он пушку заряжал, и в небо направлял...» — не оставлял мою голову героический канонир Яборка. Голос у него был хриплый, противный, а изо рта пахло пироксилином, плохим табаком и жженой селитрой.

Часа через три меня отпустило. Глаза все еще чесались, но последствий удара по нижней части спины благодаря спасшему меня кружководу я не ощущал.

Ребята сообщили, что старшего вожатого увезли в Рузу в больницу и ему там придется побыть какое-то время, поэтому открытие лагеря несколько задержится.

Физиология неотвратимо гнала меня к зеленому пионерскому домику, и я стал шарить вокруг себя, в надежде найти одежду. К счастью мой олимпийский костюмчик лежал рядом и я, надев свою гордость, побрел продувать кингстоны. Чувство, что новый олимпийский костюм будет правильно воспринят моими товарищами, а главное, девчонками, доставляло приятное послевкусие к тому, что произошло, грело и помогало забыть происшедшее. Пробежавшая навстречу мне стайка «чебурашек» дружно рассыпалась, оглашая задорным смехом чистый воздух первого дня очередной смены пионерского лагеря. «Салаги!» — подумал я, заходя в умывальник помыть руки и еще раз сполоснуть не успокоившиеся от рези глаза.

Поднявшись на веранду деревянного корпуса, я увидел готовившуюся к открытию лагеря Маринку Евсееву. Обладая хорошей фигуркой и природными пшеничными волосами, девчонка вертелась перед зеркалом, пытаясь изобразить из своих роскошных волос какую-то немыслимую прическу. Вот ведь, стандартная синяя юбочка, пионерская рубашка с погончиками согласно устава пионерской организации, галстук красный на шее.... Но все одето как-то не так, как-то напоказ! С каким-то вызовом к окружающим: «Смотрите, вот я какая!» Правда, характер у нее был прямо противоположным ее внешности, что привело мои с ней отношения в состояние войны. Не холодной войны соцлагеря с каплагерем, а конкретной войны в Африке с известным тогда диктатором Чомбой!

Ну не мог я пройти просто так мимо!

— Маринк, чегой-то ты так вырядилась как пугало? — между прочим бросил я, протирая глаза.

— Пугало? На себя посмотри, хам! — утерла меня Маринка. Как раз в это время я оказался на ее месте перед зеркалом. Глаза мои несколько отпустило, и я уставился на свое отражение в зеркале. Зеркало занимало пространство от пола до потолка, и хоть и было ровесником первых пионерских отрядов, в коричневом багете смотрелось неплохо и достоверно отражало заглядывающих в него персонажей. За это его не любили некоторые девочки в отряде и пионервожатые с утра. И вот в него посмотрелся я.

Бедная моя крестная! Бедная моя мама! Они так хотели, что бы я выглядел красиво. Они все для этого сделали! А я, бездушный, неблагодарный, дебил!!! В зеркале на меня смотрел гуманоид с распухшими красными глазами-щелочками под вихрастой кудрявой шевелюрой. Это был не конец. Одет он был в синий спортивный костюм в мелкую сеточку. Можно сказать, что это был дуршлаг, марля, сачок для бабочек! Боже мой, это был мой **НОВЫЙ** олимпийский костюм!!! Вот это был конец!

Опилки магния честно сделали свое дело, проделав в шерстяной ткани множество ровненьких мелких дырочек. Теперь он годился для ловли гольцов в речке Капаньке, но не чтобы ходить

в нем! Он не годился даже для комического футбола, костюма Лешего, спецодежды ассенизатора Василия Ивановича! Тряпка для мытья полов вот на что он годился! Из моего тела вынули позвоночник, спесь и наглость испарились, и я остался наедине со своим отражением. Уж не знаю, что выражало мое лицо, но сзади на мое плечо легла девчоночья рука.

— Снимай, я в кружке «Мягкая игрушка» заштопаю! — сказала Маринка.

Открытие смены прошло на следующий день. После вноса знамя дружины и подъема флага из клумб, с фонтаном искр и торжественным шипеньем ввысь унеслись ракеты, наделав много визга среди малышни. Старшему вожатому врачи промыли глаза, а коллеги сняли стресс спиртом с секретного предприятия. Я сдавал рапорт с уже нормальными глазами. Радист все также мучился с микрофонами. Мой костюмчик штопали две смены. По началу, у девчонок было искреннее желание мне помочь, потом, когда стало очевидно, что штопать рыбацкие сети занятие неблагодарное, его стали отдавать в наказание за провинности. Но я его все же одел однажды, когда играл богатыря в детской игре «Кругосветка».

В шлеме со щитом и мечом я сидел в орешнике в лесу и ждал, когда отряд «чебурашек» пройдет мимо, чтобы выйти из засады и задать им свои вопросы. Когда же я вышел из своего куста, детишки начали так смеяться, что мне не оставалось ни чего другого, как засмеяться вместе с ними, устроить потасовку, кашу-малу, что было воспринято с большим воодушевлением.

— Я завагил этого монстга в дганой шкуге! — вопил ненормальный октябренок, прыгая у меня на спине и молотя ручонками по пластмассовому шлему. Остальные просто висели на моих членах и пальцами старались зашекотать до икоты через многочисленные дырки в моем новом олимпийском костюме.